369/27

ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА
Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ
ПЕТРОГРАДЪ
1911

Printed in Soviet Union

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/pikovaiadamaaspu00push

ПИКОВАЯ ДАМА

А. С. ПУШКИНА

ПИКОВАЯ ДАМА

А. С. ПУШКИНА

ИЛЛЮСТРАЦІИ

АЛЕКСАНДРА Н. БЕНУА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Н. О. ЛЕРНЕРА

Полный текстъ „Пиковой дамы“ не дошелъ до насъ въ подлинномъ автографѣ Пушкина. Уцѣлѣли только три отрывочные наброска. Первые два находятся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ (тетр. № 2373, л.л. 15 и 18) и были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ „Русс. Стар.“ 1884 г., августъ, 323, 324, а въ болѣе исправномъ видѣ М. О. Гершензономъ въ венгеровскомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. IV, 331); въ той же передачѣ воспроизводимъ ихъ здѣсь, заключая въ скобки зачеркнутыя слова.

„(Года два) (лѣтъ 5) Года 4 тому назадъ жилъ я (находясь) въ П. Б. и велъ я жизнь (очень) довольно безпорядочную. (Въ П. Б.) собралось насъ въ П. Б. нѣсколько молодыхъ людей (независимыхъ по состоянію) (связанныхъ) (недавно сближенныхъ) между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно безпорядочную. Обѣдали у Андріэ безъ аппетита, пили безъ (завлеченія) веселости, ѣздили къ С. А. (безъ нужды) (чтобы позѣвать и) побѣсить (ее) бѣдную старуху своею притворной безразборчивостію; день убивали кое какъ, а вечеромъ по очереди собирались другъ у друга (и до зари) (и всю ночь проводили за картами)“.

Этому наброску предшествуетъ эпиграфъ: „А въ ненастные дни“..., которымъ и начинается первая глава „Пиковой дамы“; считаемъ нелишнимъ пояснить, что Андріэ во времена Пушкина содержалъ въ Петербургѣ модный ресторанъ, а С. А.—Софья Астафьевна (Евстафьевна), содержательница веселаго дома; картинку изъ быта такого учрежденія набросалъ однажды Пушкинъ [1]). Въ первомъ наброскѣ нѣтъ еще никакого намека на фабулу повѣсти; видно только первоначальное намѣреніе автора вести разсказъ отъ перваго лица, и даже отъ своего собственнаго, на что указываютъ передаваемыя Пушкинымъ подробности той обстановки, въ которой подолгу случалось находиться ему самому. Музейная тетрадь, въ которой записаны оба наброска, относится къ началу тридцатыхъ годовъ, а появилась „Пиковая дама“ въ Библіотекѣ для чтенія“ 1834 г., т. II, № 3, отд. I, „Русская Словесность, Проза“, стр. 109—140, съ подписаннымъ А. Никитенкой цензурнымъ

дозволеніемъ 31 января 1834 г. „Жизнь довольно безпорядочную“ Пушкинъ велъ въ Петербургѣ, еще не женатый, лѣтомъ 1828 г. [2]), года за четыре или пять до созданія „Пиковой дамы“, которую и по этимъ указаніямъ поэта, и по положенію черновыхъ набросковъ въ рукописи приходится, безъ излишней и въ данномъ случаѣ невозможной точности, датировать приблизительно 1832—1833 гг.

Второй набросокъ уже нѣсколько опредѣляетъ характеръ главнаго героя. Приводимъ эти строки.

„Теперь позвольте мнѣ покороче (ближе) познакомить васъ съ героиней моей повѣсти.

Въ одномъ изъ etc.

(Шарлота Миллеръ была четвертая дочь (обанкрутившагося) обрусѣвшаго нѣмца). Отецъ ея былъ нѣкогда купцомъ второй гильдіи (потомъ учителемъ въ кад. корп.), потомъ аптекаремъ, потомъ директоромъ пансіона, наконецъ (журналистомъ), корректоромъ въ типографіи, и умеръ, оставивъ (женѣ) кой какіе долги (и нѣсколько рукописей, касающихся ботаники) и довольно полное собраніе бабочекъ и насѣкомыхъ. Онъ былъ человѣкъ добрый (и честный) и имѣлъ много основательныхъ свѣдѣній, которыя ни къ чему хорошему (его) не привели. (Вдова его, продавъ рукописи лавочнику) расплатилась съ табачной лавочкой и стала (жить) кормиться съ Шарлотою (трудами своихъ рукъ). Германъ жилъ (съ ними) на одномъ дворѣ съ его вдовою, познакомился съ Шарлотой, и скоро они полюбили другъ друга, какъ только нѣмцы могутъ еще любить въ наше время.

Но въ сей день, или справедливѣе etc. И когда милая нѣмочка отдернула бѣлую занавѣску (окна своего), Германъ не явился у своего васисдаса и не привѣтствовалъ ее обычной улыбкою.

Отецъ его, обрусѣвшій нѣмецъ, оставилъ ему послѣ себя (60 тысячъ капиталу) маленькій капиталъ; Германъ оставилъ ихъ въ ломбардѣ, не касаясь и процентовъ, а жилъ однимъ жалованьемъ.

Германъ былъ твердо etc“.

При окончательной отдѣлкѣ повѣсти, если только замыселъ Пушкина былъ съ самаго начала таковъ, какимъ онъ является въ „Пиковой дамѣ“, Шарлота и романъ Германа съ нею, который, быть можетъ, долженъ былъ предшествовать завязкѣ сношеній съ графининой воспитанницей, исчезли. Остался только Германъ, но уже съ ясно намѣченной чертою характера—твердостью; если онъ не появляется у своего васисдаса съ привѣтливой улыбкой Шарлотѣ,—это, вѣрно, потому, что имъ уже овладѣла могучая страсть, и онъ уже завелъ интригу съ Лизаветой Ивановной и ради денегъ готовъ даже стать любовникомъ дряхлой старухи. Но о замыслѣ повѣсти и о ходѣ мыслей художника все-таки и по второму, болѣе содержательному, наброску судить такъ же трудно, какъ и по первому, и мы можемъ только догадываться о соотношеніяхъ между приведенными набросками и окончательнымъ текстомъ.

Третій набросокъ находится у И. А. Шляпкина, напечатавшаго его въ своей книгѣ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, Спб., 1903, стр. 93; онъ очень кратокъ.

„Чекал. глазами отыскалъ Нарумова—какъ зовутъ Вашего пріятеля спросилъ Чек. у Нар.“.

Очевидно, на выдержаннаго и холоднаго Чекалинскаго Германъ долженъ былъ произвести, при первомъ же своемъ появленіи, сильное впечатлѣніе. Человѣкъ, отмѣченный страстью, не ускользнулъ отъ вниманія опытнаго игрока и въ нѣкоторомъ отношеніи знатока людей.

При жизни Пушкина „Пиковая дама“ была напечатана еще одинъ разъ. Авторъ включилъ ее въ вышедшія лѣтомъ того же 1834 г. „Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ“, стр. 187—247 [3]). Текстъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ и въ „Повѣстяхъ“ почти одинъ и тотъ же; Пушкинъ, повидимому, пересмотрѣлъ текстъ для „Повѣстей“, такъ какъ изъ VI главы исключена слѣдовавшая въ текстѣ „Библ. для чтенія“ (стр. 137) послѣ словъ: „они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами“, и дѣйствительно лишняя фраза: „Всѣ были полны народу“. Есть еще нѣсколько менѣе

значительныхъ поправокъ. Въ настоящемъ изданіи мы воспроизвели текстъ „Повѣстей“, позволивъ себѣ лишь исправить нѣсколько явныхъ опечатокъ и возстановивъ въ двухъ—трехъ мѣстахъ слово „Графиня“, вмѣсто котораго по ошибкѣ (объясняемой ниже) Пушкинъ напечаталъ „Княгиня“. Замѣтимъ, что, хотя текстъ „Пиковой дамы“ не можетъ представлять для издателей ни малѣйшаго затрудненія, ни одно изъ послѣ-пушкинскихъ изданій не воспроизвело его съ совершенной точностью.

Хотя „Пиковая дама“ появилась въ „Библ. для чтен.“ безъ полной подписи Пушкина, съ однимъ иниціаломъ *P.* (Pouchkine), повтореннымъ и въ „Повѣстяхъ“ [4]), имя автора не осталось тайной для публики. Повѣсть сразу обратила на себя всеобщее вниманіе. „Моя Пиковая Дама“—записалъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ (7 апрѣля 1834 г.)—„въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза“. П. В. Анненковъ [5]), помнившій вызванное ею впечатлѣніе, писалъ, что она „произвела при появленіи своемъ всеобщій говоръ и перечитывалась отъ пышныхъ чертоговъ до скромныхъ жилищъ съ одинаковымъ наслажденіемъ. Общій успѣхъ этого легкаго и фантастическаго разсказа особенно объясняется тѣмъ, что въ повѣсти Пушкина есть черты современныхъ нравовъ, которыя обозначены, по его обыкновенію, чрезвычайно тонко и ясно“. Когда появились „Повѣсти“, критикъ „Сѣверной Пчелы“ [6]) писалъ о „Пиковой дамѣ“: „подробности этой повѣсти превосходны: Германнъ замѣчателенъ по оригинальности характера; Лизавета Ивановна—живой портретъ компаньонокъ нашихъ старыхъ знатныхъ дамъ, рисованный съ натуры мастеромъ. Но въ цѣломъ—важный недостатокъ, общій всѣмъ „Повѣстямъ“ Бѣлкина [7]),—недостатокъ идеи. Впрочемъ строгое сужденіе объ этихъ „Повѣстяхъ“ невозможно: онѣ прикрыты эгидою имени Пушкина“. „И очаровательностью изложенія“—прибавляетъ редакціонное примѣчаніе внизу страницы:—„мы не знаемъ въ Русской Литературѣ повѣсти, которая была бы написана такъ легко, пріятно, правильно и отчетливо, какъ *Пиковая дама*“. Отмѣчая появленіе

„Повѣстей“, анонимный критикъ „Библіотеки для чтенія“ [8]) упомянулъ, что „Пиковой дамой“ Пушкинъ „украсилъ нашъ журналъ еще въ началѣ года“. Денисъ Давыдовъ писалъ Н. М. Языкову [9]): „Пушкинская повѣсть мнѣ весьма понравилась“. Особнякомъ стоитъ мнѣніе одного изъ недолюбливавшихъ Пушкина и платившихъ ему за открытое расположеніе тайнымъ недоброжелательствомъ братьевъ Языковыхъ, Александра Михайловича, который писалъ В. Д. Комовскому [10]): „Пушкинъ свою повѣсть плохо сладилъ“.

Бѣлинскій, вообще не сумѣвшій оцѣнить по достоинству творчество Пушкина въ прозѣ, упоминаетъ о „Пиковой дамѣ“ нѣсколько разъ, то иронически говоря о „препрославленной Пиковой Дамѣ“, по мнѣнію „Библіотеки для Чтенія“ (въ которой она была помѣщена) превосходящей всѣ созданія чуднаго Гофманова генія[10a]), то отдѣлываясь отъ нея легковѣснымъ замѣчаніемъ, что „Пушкинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ подобныхъ родахъ сочиненій [11]), то называя ее вскользь, какъ одинъ изъ признаковъ оживленія и обогащенія русской литературы въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, и причисляя ее здѣсь, наряду съ „Капитанской дочкой“, къ „лучшимъ повѣстямъ“ Пушкина [12]). Яснѣе выразилъ Бѣлинскій свое мнѣніе о „Пиковой дамѣ“, заканчивая общій обзоръ пушкинскаго творчества [13]); по его словамъ, это—„собственно не повѣсть, а мастерскій разсказъ. Въ ней удивительно вѣрно очерчена старая графиня, ея воспитанница, ихъ отношенія и сильный, но демонически-эгоистическій характеръ Германна. Собственно, это не повѣсть, а анекдотъ: для повѣсти содержаніе „Пиковой дамы“ слишкомъ исключительно и случайно. Но разсказъ—повторяемъ—верхъ мастерства“. Такимъ образомъ, Бѣлинскій отдалъ предпочтеніе внѣшней сторонѣ повѣсти, не проникнувъ глубоко въ ея сущность. К. П. Зеленецкій въ 1855 г. [14]) обратилъ мимоходомъ вниманіе на обрисовку въ ней „русскаго быта, русскихъ нравовъ и характеровъ“, и нашелъ, что это „миніатюрное“ произведеніе, въ которомъ „прелестно очертаны картины нашего свѣтскаго быта“, „тѣмъ не менѣе (sic!) граціозно и отличается благородствомъ воззрѣнія на жизнь“. М. Н. Катковъ

(1856 г.), также не сумѣвшій достаточно оцѣнить прозу Пушкина, писалъ [15]), что „разсказы его по большей части вялы и безцвѣтны“, и, ставя „Пиковую даму“ выше „Повѣстей Бѣлкина“, не находилъ въ ней „особеннаго достоинства. Фигура Германна набросана бойко, но имѣетъ только достоинство эскиза; вся повѣсть представляетъ два—три интересныя положенія, и только“.

По-своему взглянувшій вообще на пушкинское творчество Аполлонъ Григорьевъ (1859 г.) нашелъ въ „Пиковой дамѣ“ одинъ изъ признаковъ побѣды „смиреннаго“ психическаго и соціальнаго типа надъ „хищнымъ“ [16]). „Эта поучительная для насъ борьба—и въ геніально-юношескомъ лепетѣ Кавказскаго плѣнника, и въ Алеко, и въ Гиреѣ, и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и вмѣстѣ сухомъ тонѣ „Пиковой дамы“, и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо въ повѣсти „Выстрѣлъ“... Леденящій иронический тонъ слышенъ во всемъ томъ, въ чемъ Пушкинъ касался такъ называемаго большого свѣта, отъ Пиковой Дамы до Египетскихъ ночей и другихъ отрывковъ“... Германна Апол. Григорьевъ еще дважды [17]) сближаетъ съ Сильвіо по „мрачной сосредоточенности“ обоихъ. Оцѣнка Аполлона Григорьева, въ значительной степени вѣрная, и односторонняя, и слишкомъ неполна.

Гораздо болѣе полное истолкованіе повѣсти далъ Л. И. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина [18]). „Пиковая дама“—говоритъ онъ—„производитъ впечатлѣніе не только вѣрностію въ изображеніи бытовыхъ деталей, но и превышаетъ всѣ другія прозаическія повѣсти Пушкина своимъ психологическимъ анализомъ. Германнъ въ этомъ отношеніи представлялъ портретъ совсѣмъ новаго рода. При всей простотѣ и обыкновенности внѣшней жизни этого расчетливаго инженера, читатель видитъ, какъ кипитъ въ немъ пожирающая его страсть, которую онъ подавляетъ всѣми силами своего духа. Уже съ перваго появленія его въ разсказѣ читатель чувствуетъ, что это лицо съ надорванною душою, при общемъ взглядѣ на него отталкивающее своею отчужденностію и замкнутостію въ

себѣ, но при болѣе внимательномъ взглядѣ — достойное сострадания. Это лицо обѣщаетъ будущіе психологическіе этюды новѣйшаго романа, которые составляютъ силу Достоевскаго. Недаромъ онъ такъ любилъ и высоко цѣнилъ эту повѣсть".

Оставляя въ сторонѣ явно малосостоятельныя мнѣнія Брюкнера [19]), увидѣвшаго въ „Пиковой дамѣ" всего только анекдотъ, простую „исторію игроковъ", которая „напоминаетъ намъ Гофмана", или Иванова-Разумника [20]), который, не принявъ во вниманіе собственнаго отношенія Пушкина къ Германну, этому „уже пошлому лицу", услышалъ въ ней „послѣдній слабый отзвукъ романтизма", и, приведя тонкое замѣчаніе А. И. Кирпичникова [21]), что въ „Пиковой дамѣ" „фантастическое и реальное не стоятъ рядомъ, какъ у нѣмцевъ, а взаимно проникаютъ другъ друга и являются единымъ недѣлимымъ" (дѣйствительно, у Гофмана его тяжелыя фантасмагоріи всегда рѣзко отграничены отъ дѣйствительности), остановимся на самой полной, яркой и недавней оцѣнкѣ „Пиковой дамы", которая принадлежитъ М. Гершензону [22]).

„Скажу не обинуясь" — говоритъ талантливый критикъ,— „что, на мой взглядъ „Пиковая дама" — одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей, достойная быть поставленной рядомъ, если не выше, съ такими перлами, какъ „Тамань" Лермонтова и „Казаки" Л. Толстого. Нельзя достаточно надивиться на эту сжатость, стремительность сосредоточенность разсказа, на эту ясность линій и цѣломудріе слога, словомъ на недосягаемую экономію средствъ, употребленныхъ здѣсь поэтомъ для воплощенія глубокой художественной идеи. Ни одной лишней черты, но всякая черта, какъ радіусъ, стремится къ центру повѣствованія; ни одного психологическаго описанія, но все дѣйствіе насыщено психологіей; безпредѣльное напряженіе силъ, почти математическая художественная расчетливость—и ни малѣйшей нарочитости, но все течетъ естественно, какъ въ самой жизни". Художественный замыселъ повѣсти Гершензонъ мѣтко опредѣляетъ такъ: „соприкосновеніе души, опредѣленно настроенной, съ соотвѣтствующимъ

этому настроенію элементомъ дѣйствительности. Вся грядущая драма Германна — его безуміе и гибель — уже до начала дѣйствія заложена въ его душѣ потенціально, но для того, чтобы она разразилась, нуженъ толчокъ извнѣ, хотя бы самый незначительный". Въ этихъ словахъ заключается зерно этого замѣчательнаго по глубинѣ и тонкости анализа повѣсти.

Тѣмъ клочкомъ дѣйствительности, отъ соприкосновенія съ которымъ вспыхиваетъ таящаяся въ душѣ Германна страсть стяжанія, является разсказъ Томскаго о своей бабушкѣ, разсказъ, который иному „трезвому", незараженному страстью человѣку показался бы не выше любого святочнаго анекдота. Пушкинъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ изобразилъ паденіе искры въ подготовленную къ пожару душу. „Нормальные" слушатели, не подвергшіе сомнѣнію самаго факта и, конечно, забывшіе анекдотъ черезъ пять минутъ, попытались истолковать его просто. Одинъ изъ гостей, съ излишнимъ даже простодушіемъ, свалилъ все на случай, вѣроятно, думая, что Каліостро дурачилъ бабушку, а по случайности ей выпали указанныя имъ карты. Другой, обыкновеннѣйшій пошлякъ, заподозрѣлъ, не сплутовала ли бабушка въ игрѣ. И только Германнъ сказалъ: „Сказка!" — но въ этомъ словѣ уже слышится тоскливый вздохъ: „Ахъ, зачѣмъ это только сказка!" Еще немного, — и могучая страсть заставитъ воображеніе Германна претворить сказку въ дѣйствительность. Какъ сильна страсть въ душѣ Германна, какъ подавляетъ она въ ней всѣ остальныя чувства, Пушкинъ умѣетъ показать яркими пріемами. Германнъ уже любитъ Лизавету Ивановну, но готовъ ради тайны Каліостро, которая должна принести ему деньги, стать любовникомъ отвратительной старухи, и, попавъ въ домъ Графини, безъ малѣйшаго колебанія не идетъ въ комнату Лизаветы Ивановны на назначенное свиданіе, а входитъ въ кабинетъ, гдѣ, спокойный, съ ровно бьющимся сердцемъ, ждетъ возвращенія Графини съ бала. У этого человѣка, съ „профилемъ Наполеона, а душой Мефистофеля", сильный характеръ деньги нужны ему не ради самихъ денегъ, какъ Гарпагону или

Скупому Рыцарю, а ради независимости, и онъ умѣетъ сдерживать себя: съ капиталомъ въ ломбардѣ, онъ не поддается окружающимъ его соблазнамъ молодости и живетъ скромнымъ офицерскимъ жалованьемъ; игрокъ въ душѣ, онъ не играетъ потому, что боится „жертвовать необходимымъ, въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее“, — и лишь тогда садится за зеленый столъ, когда увѣренъ въ непреложной побѣдѣ трехъ волшебныхъ картъ. Въ такой сильной душѣ страсть разгорается съ необычайной силой. Выбивъ Германна изъ нормальной колеи, она сразу переселяетъ его въ міръ призраковъ, но этотъ міръ остается психологически такъ же естественнымъ и гармоничнымъ, какъ самая обыденная дѣйствительность, и событія въ немъ развертываются естественно и ясно. Если Графиня въ галлюцинаціи внушаетъ Германну, что онъ долженъ поставить три карты, одну за другою, и больше никогда не играть, то условія эти продиктованы разсказомъ Томскаго: именно они помогли отыграться Чаплицкому. Если Графиня велитъ Германну жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ, то потому, что въ душѣ Германна, какъ ни охвачена она страстью, живетъ любовь и жалость къ оскорбленной имъ дѣвушкѣ; недаромъ во время ихъ перваго и послѣдняго свиданія онъ съ такой ужасной откровенностью разсказываетъ ей все; онъ не сробѣетъ ни передъ какимъ преступленіемъ, но лгать ей не можетъ [23]).

Аполлонъ Григорьевъ справедливо отнесъ Германна къ тому психическому типу, къ которому принадлежитъ герой „Выстрѣла“ Сильвіо. Эти люди — тяжкодумы; жизнь при всѣхъ условіяхъ достается имъ нелегко; имъ чуждо свѣтлое, вольное отношеніе къ міру. Прямую противоположность имъ составляютъ такіе люди, какъ сопоставленный въ „Выстрѣлѣ“ съ Сильвіо счастливый и беззаботный графъ. Тяжелую натуру Германна оттѣняетъ такая же антитеза. Это—князь Павелъ Александровичъ Томскій, разсказывающій анекдотъ о трехъ бабушкиныхъ картахъ. Лаконизмъ и экономія художественныхъ пріемовъ Пушкина особенно сказались въ тѣхъ немногихъ, но мѣткихъ штрихахъ, которыми нарисована эта фигура. Пушкинъ отвелъ ему

мало мѣста, но ровно столько, сколько необходимо; „мазурочная болтовня“ Томскаго,—несмотря на внѣшнее легкомысліе тонкаго и проницательнаго ума, болѣе проницательнаго, чѣмъ, вѣроятно, думаетъ о себѣ самъ этотъ непосредственно относящійся къ жизни человѣкъ,—многое объясняетъ намъ въ Германнѣ.

Блистательно удалась Пушкину сама „Пиковая дама“, выдѣляющаяся какимъ-то страннымъ анахронизмомъ среди людей 20—30-хъ годовъ, фигура XVIII вѣка, „статсъ-дама былого двора“. Въ исторически-бытовомъ отношеніи это самое замѣчательное лицо въ повѣсти. Рисуя старую Графиню, Пушкинъ проявилъ геніальную историческую интуицію; помогло ему также личное знакомство съ двумя интересными обломками XVIII вѣка—великосвѣтскими старухами Н. К. Загряжской [24]), которой приходилась сродни Н. Н. Пушкина, и княгиней Н. П. Голицыной, рожд. графиней Чернышевой, прозванной princesse Moustache и бывшей ходячей „совѣстью“ николаевскаго двора и живымъ кодексомъ свѣтскихъ приличій и этикета. Что послѣдняя (ей было уже за девяносто лѣтъ—родилась въ 1741 г. и пережила Пушкина почти на цѣлый годъ) служила отчасти оригиналомъ для Пиковой дамы, повидимому, признавалъ самъ авторъ, который записалъ въ своемъ дневникѣ 7 апрѣля 1834 г.): „при дворѣ нашли сходство между старой графиней и княгиней Н. П. и, кажется, не сердятся“—и даже въ самой повѣсти нѣсколько разъ назвалъ свою Графиню Княгиней. Еще при Екатеринѣ княгиня Нат. Петр. Голицына играла важную роль въ высшемъ свѣтѣ, какъ глава, по выраженію Ф. Ф. Вигеля [25]), „компаніи на акціяхъ, куда вносимы были титулы, богатства, кредитъ при дворѣ, знаніе французскаго языка, а еще болѣе незнаніе русскаго... Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства, а Павелъ I даже покровительствовалъ его“... „Не совсѣмъ было трудно усатой княгинѣ Голицыной, съ умомъ, съ твердымъ характеромъ, безъ всякихъ женскихъ слабостей, сдѣлаться законодательницей и составить нѣчто похожее на аристократію западныхъ государствъ“... [26])

Какое значеніе имѣлъ въ общественной жизни этотъ своеобразный историческій типъ, видно изъ словъ, сказанныхъ однажды Екатериною II статсъ-секретарю Н. П. Румянцову: „Дивятся всѣ, какимъ образомъ я, бѣдная нѣмецкая принцесса, такъ скоро обрусѣла и пріобрѣла вниманіе и довѣренность русскихъ. Приписываютъ это глубокому уму и долгому изученію моего положенія. Совсѣмъ нѣтъ! Я этимъ обязана русскимъ старушкамъ. Не повѣришь, Николай Петровичъ, какое вліяніе онѣ имѣютъ при всякомъ дворѣ“... Вліятельнымъ старушкамъ Екатерина приписывала даже нѣкоторую долю своей удачи при занятіи престола [27]). Пушкинъ даже, какъ видимъ, боялся, что при дворѣ будутъ сердиться за сходство Пиковой дамы съ Голицыной „Княгиня Наталья Петровна“ — разсказывала ея современница [28]) — видѣла царскій дворъ при пяти императрицахъ и, будучи старожилкой, не мудрено, что считала всѣхъ молодежью. Всѣ знатные вельможи и ихъ жены оказывали ей особое уваженіе и высоко цѣнили малѣйшее ея вниманіе“. Пушкинъ уже давно отмѣтилъ ея отвратительное „прюдничанье“ [29]) и вѣрно схватилъ въ ней черты придирчивости и самодурства.

Скромная Лизавета Ивановна—самое лучшее въ русской литературѣ воплощеніе типа „воспитанницы“, жертвы причудъ и капризовъ знатной старухи, жертвы, быть можетъ, болѣе несчастной, чѣмъ послѣдній крѣпостной слуга. Этого типа Пушкинъ слегка коснулся нѣсколько лѣтъ назадъ, въ началѣ задуманнаго эпистолярнаго романа. „Ты не можешь вообразить“ — пишетъ своей подругѣ Лиза, „воспитанница“, — „какъ много мелочныхъ горестей неразлучны съ этимъ званіемъ. Многое должна я была сносить, во многомъ уступать, многаго не видѣть, между тѣмъ какъ мое самолюбіе прилежно замѣчало малѣйшій оттѣнокъ небреженія. Самое равенство мое съ княжною было мнѣ въ тягость. Когда являлись мы на балѣ, одѣтыя одинаково, я досадовала, не видя на ея шеѣ жемчуговъ. Я чувствовала, что она не носила ихъ для того только, чтобъ не отличаться отъ меня. Неужь-то предполагаютъ во мнѣ, думала я, зависть, или что нибудь

похожее на такое дѣтское малодушіе? Поведеніе со мною мужчинъ, какъ бы оно ни было учтиво, поминутно задѣвало мое самолюбіе. Холодность ихъ или привѣтливость, все казалось мнѣ неуваженіемъ. Словомъ, я была созданіе пренѣжное, и сердце мое, отъ природы нѣжное, часъ отъ часу болѣе ожесточалось. Замѣтила ли ты, что всѣ дѣвушки, состоящія на правахъ воспитанницъ, дальнихъ родственницъ, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно бываютъ или низкія служанки, или несносныя причудницы? Послѣднихъ я уважаю и извиняю отъ всего сердца".

Хорошо изображены и другіе, эпизодическіе герои повѣсти — свѣтскіе молодые люди, архіерей-карьеристъ съ его оффиціальной ложью, великолѣпно-холодный, строго-величавый глава игорнаго дома. Къ кругу прожигателей жизни Пушкинъ всегда питалъ нѣкоторую слабость. Самой ранней (около 1819 г.) беллетристической пробой пера Пушкина былъ разсказъ изъ жизни свѣтской золотой молодежи, повидимому, той, среди которой очутился поэтъ по выходѣ изъ лицея, но дѣло не пошло дальше первой страницы, которая своимъ тономъ и отчасти даже содержаніемъ напоминаетъ начало „Пиковой дамы". Въ этой средѣ (представители ея должны были фигурировать и въ задуманномъ Пушкинымъ впослѣдствіи и не осуществленномъ „Русскомъ Пеламѣ") встрѣчались оригинальные и интересные характеры, но Пушкинъ былъ тогда еще слишкомъ молодъ для бытовой повѣсти. Лишь значительно отдалившись отъ данной среды и эпохи и пріобрѣтя художественный и житейскій опытъ, Пушкинъ могъ нарисовать героевъ „Пиковой дамы".

„Повѣсть Пушкина" — характеризуетъ Гершензонъ манеру, въ которой написана „Пиковая дама", — „въ отличіе отъ нашей современной повѣсти, не картина, а рисунокъ перомъ; въ ней нѣтъ мазковъ, передающихъ полутоны, — все сухія, четкія линіи, рисующія какъ бы остовъ событія, обстановки или характера". Чрезвычайное искусство обнаружилъ Пушкинъ въ языкѣ, которымъ говорятъ герои. Мольбы, съ которыми Германнъ обращается къ Графинѣ, звучатъ

необыкновеннымъ паѳосомъ глубоко взволнованной страстной души. Графиня, съ ея „вчерась, „я чай“, „и, мой милый!“, „батюшка“, „мать моя“, говоритъ тѢмъ хорошимъ, грубоватымъ народнымъ языкомъ, какимъ говорили русскіе баре XVIII столѢтія, мѢшая его съ изящной французской рѢчью Сенъ-Жерменскаго предмѢстья. Пушкинъ разсказываетъ Анненковъ [30]), „совѢтовалъ учиться русскому языку у старыхъ московскихъ барынь, которыя никогда не замѢняютъ энергическихъ фразъ: я была въ дѢвкахъ, лечилась и т. п. жеманными фразами: я была въ дѢвицахъ, меня пользовалъ и проч.“ [31]). Старомодность литературной техники видна въ такихъ мѢстахъ, какъ услужливо-неловкое объясненіе читателю (въ IV главѢ): „слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня“, или сообщеніе въ концѢ повѢсти, что „Томскій произведенъ въ Ротмистры и женится на КняжнѢ ПолинѢ“. ЗамѢтимъ галлицизмъ (во II главѢ): „слѢдовалъ за оборотами игры“, т. е. слѢдилъ.

Эпиграфы, одна изъ обычныхъ особенностей пушкинской прозы и вообще литературы пушкинской эпохи, были всегда предметомъ усердной заботы Пушкина. Такъ, онъ заранѢе подготовлялъ эпиграфы къ отдѢльнымъ главамъ „Арапа Петра Великаго“, совѢтовался съ П. А. Плетневымъ объ эпиграфахъ къ „ПовѢстямъ БѢлкина“ [32]). УмѢлъ онъ выбирать ихъ мастерски; въ „Пиковой дамѢ“ эпиграфы подобраны также очень искусно. Даже осуждавшій вообще повѢсть А. М. Языковъ находилъ, что „въ ней всего лучше эпиграфы, особенно атанде-съ“ [33]). Эпиграфъ къ I главѢ принадлежитъ самому Пушкину, который приводитъ эти стихи въ письмѢ 4 сентября 1828 г. къ кн. П. А. Вяземскому, съ замѢной пожеланія „Богъ ихъ прости“ другимъ, непечатнымъ [34]). Объ эпиграфѢ къ II главѢ Д. В. Давыдовъ писалъ Пушкину [35]): „помилуй, что у тебя за дьявольская память; я когда-то на лету разсказывалъ тебѢ разговоръ мой съ М. А. Нарышкиной: „Vous préférez les suivantes“, сказала она мнѢ; „parce qu'elles sont plus fraîches“, былъ отвѢтъ мой; ты слово въ слово поставилъ это эпиграфомъ въ одномъ изъ отдѢленій „Пиковой дамы“.

Вообрази мое удивленіе и еще болѣе восхищеніе жить такъ долго въ памяти Пушкина, нѣкогда любезнѣйшаго собутыльника и всегда единственнаго родного моей душѣ поэта. У меня сердце облилось радостью, какъ при полученіи записки отъ любимой женщины". Эпиграфъ къ III главѣ Пушкинъ записалъ гораздо ранѣе „Пиковой дамы", повидимому, въ черновикѣ начатаго разсказа „На углу маленькой площади"... [36]); вѣроятно, онъ принадлежитъ Пушкину, которому также, быть можетъ, надо приписать эпиграфъ къ главѣ V. Что касается до эпиграфа къ VI главѣ, то „матеріалъ" для него могъ дать Пушкину анекдотъ о графѣ Гудовичѣ, который разсказывается въ „Старой записной книжкѣ" князя П. А. Вяземскаго [37]), „говаривалъ что съ полученіемъ полковничьяго чина онъ пересталъ метать банкъ сослуживцамъ своимъ. Неприлично, продолжалъ онъ, старшему подвергать себя требованію какого-нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя противъ васъ, почти повелительно вскрикиваетъ: *аттанде!* „Аттанде, слово роковое, мнѣ не приходитъ на языкъ"... вспоминалъ въ „Онѣгинѣ" Пушкинъ о волненіяхъ, пережитыхъ за карточнымъ столомъ.

Живость и богатство гармонически и быстро развивающагося въ „Пиковой дамѣ" дѣйствія, не говоря уже о внѣшнемъ эффектѣ пушкинской фантастики, давно были замѣчены какъ благодарный матеріалъ для сцены. Еще князь А. А. Шаховской передѣлалъ повѣсть въ драму [38]). Скрибъ написалъ для Галеви либретто оперы „La dame de pique", которая шла въ парижской Opéra Comique 28 декабря 1850 г.; въ немъ отъ пушкинской повѣсти почти живого мѣста не осталось [39]). Въ 1890 г. появилась „Пиковая дама" П. И. Чайковскаго съ либретто М. И. Чайковскаго, довольно удачно приспособившаго повѣсть къ сценѣ [40]). Наименѣе „русская" изъ всѣхъ повѣстей Пушкина, „Пиковая дама" доступна и иностраннымъ переводамъ почти безъ потери своихъ лучшихъ сторонъ. Ее уже давно начали переводить. Намъ извѣстны (едва ли всѣ, впрочемъ), переводы „Пиковой дамы" на языки нѣмецкій, французскій, чешскій, болгарскій, сербо-хорватскій,

словѣнскій, ново-греческій, турецкій, венгерскій, финскій, Выдающаяся популярность этого произведенія, одного изъ самыхъ читаемыхъ во всей пушкинской прозѣ, не помѣшала ему стать жертвой забавнаго и дерзкаго плагіата. Въ московской газетѣ „Жизнь“ въ 1885 г. [41]) появились первыя двѣ главы „Пиковой дамы“, съ небольшими искаженіями и за подписью какого-то Ногтева.

---

[1]) «Сводня грустно за столомъ»... — см. Сочин. Пушкина, изд. Венгерова, т. II, стр. 464, и наши примѣчанія въ IV т., стр. LXI—LXII. До насъ дошелъ любопытный, хотя, можетъ быть, не во всѣхъ отношеніяхъ достовѣрный, разсказъ друзей Пушкина, «какъ они, бывало, заходили къ наипочтеннѣйшей Софьѣ Евстафьевнѣ провести остатокъ ночи съ ея компаньонками. Александръ Сергѣевичъ, бывало, выберетъ интересный субъектъ и начинаетъ разспрашивать о дѣтствѣ и обо всей прежней жизни, потомъ усовѣщиваетъ и уговариваетъ бросить блестящую компанію, заняться честнымъ трудомъ, идти въ услуженіе, потомъ дастъ деньги на выходъ и, такимъ образомъ, не одну жертву спасъ отъ погибели; а всего лучше, что благонравная Софья Евстафьевна жаловалась на поэта полиціи, какъ на безнравственнаго человѣка, развращающаго ея овечекъ» (Н. И. Куликовъ, «Пушкинъ и Нащокинъ» — «Русск. Стар.» 1881 г., августъ, 613). Полиція въ эту сторону жизни поэта обыкновенно не вмѣшивалась. «Laissez le courir le monde, chercher des filles», совѣтовалъ Бенкендорфу шпіонъ въ 1829 г. Женившись, онъ въ этомъ отношеніи «совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Евстафьевны и кавалергардскихъ шаромыжниковъ» (письмо къ М. О. Судіенкѣ 15 января 1832 г.). Сводня, изображенная Пушкинымъ въ названномъ стихотвореніи, — не только бытовой типъ, но, можетъ быть, даже портретъ этой самой Софьи Евстафьевны. Въ перепискѣ Пушкина есть еще упоминанія о ней (см., напр., письмо его къ женѣ 17 апрѣля 1834 г.).

[2]) См. Сочин. Пушкина, изд. Венгерова, т. V, стр. II—III, V, наши примѣч. къ №№ 536 и 540.

[3]) Цензурное разрѣшеніе подписано 19 іюля 1834 г. В. Семеновымъ; о цензурованіи «Пиковой дамы» для этого изданія см. письмо Пушкина къ А. В. Никитенкѣ (Переписка Пушкина, изд. акад. наукъ, III, 94) и отвѣтъ Никитенки Пушкину (И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, Спб., 1903, стр. 191).

[4]) Такъ же подписалъ Пушкинъ разборъ «Исторіи Русскаго народа» Н. А. Полевого («Лит. Газ.» 1830 г., № 4), рецензію на двѣ книги С. Бева («Лит. Газ.» 1831 г., № 32), «Скупого Рыцаря» («Современникъ» 1836 г., кн. I).

[5]) «Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 394.

[6]) «Р. М.» (В. М. Строевъ) — въ № 192, 27 августа 1834 г., стр. 767.

[7]) Въ «Повѣстяхъ, изданныхъ Александромъ Пушкинымъ», помѣщены, кромѣ «Пиковой дамы», двѣ главы изъ «Арапа Петра Великаго» и «Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина».

[8]) 1834 г., т. VI (ценз. дозвол. 27 сентября), отд. VI, «Литерат. лѣтопись», стр. 2.

[9]) 4 апрѣля — см. «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 140; «Сочиненія Д. В. Давыдова», изд. 1895 г., т. III, стр. 194.

[10]) 21 апрѣля — см. «Историч. Вѣстн.» 1883 г., декабрь, 539.

[10а]) Рецензія на «Повѣсти изданныя Александромъ Пушкинымъ» — «Молва» 1833 г., № 7; Сочин. БѢлинскаго, изд. Венгерова, II, 60.

[11]) Рецензія на IX—XI томы посмертнаго изданія сочиненій Пушкина въ «Отечеств. Запискахъ» 1841 г., т. XVII, № 8; Сочин. БѢлинскаго, изд. Венгерова, VI, 282.

[12]) Обзоръ «Русская литература въ 1843 году» — «Отечеств. Записки» 1844 г.; Сочин. БѢлинскаго, изд. Венгерова, VIII, 372.

[13]) «Отечеств. Записки» 1846 г.; Сочин. БѢлинскаго, изд. Солдатенкова, ч. VIII, М., 1860 г., стр. 698.

[14]) «О художественно-національномъ значеніи произведеній Пушкина» — «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ». 1855 г., ч. LXXXV, отд. II, стр. 231, 232.

[15]) Рецензія на анненковское изданіе сочиненій Пушкина въ «Русс. ВѢстникѢ» 1856 г., «М. Н. Катковъ о ПушкинѢ», М., 1900, стр. 72.

[16]) «Русское Слово» 1859 г.,—«Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина» и «И. С. Тургеневъ и его дѣятельность, по поводу романа Дворянское ГнѢздо», Сочин. Апол. Григорьева, I, 245, 259.

[17]) Соч. Ап. Григорьева, I, 314, 357.

[18]) Т. IV, изд. 2-е, 1895 г., стр. 588.

[19]) «Русская литература въ ея историческомъ развитіи», перев. съ нѣмецкаго, ч. I, Спб., 1906, стр. 122.

[20]) «Исторія русской общественной мысли», т. I, изд. 3-е, Спб., 1911, стр., 89.

[21]) «Очерки по исторіи новой русской литературы», т. II, изд. 2-е, М., 1903, стр. 52.

[22]) Въ IV т. Сочин. Пушкина, изд. Венгерова.

[23]) Психологически недопустимыми кажутся намъ мысли, съ которыми Германнъ покидаетъ на разсвѣтѣ домъ умершей графини. Думать о томъ, кто прокрадывался въ спальню молодой красавицы шестьдесятъ лѣтъ назадъ, могъ въ данномъ случаѣ авторъ, а не Германнъ, потрясенный «невозвратной потерей тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія». Съ такимъ настроеніемъ не вяжутся эти мысли, полныя спокойной грусти. Именно здѣсь разгорается психозъ Германна.

[24]) Л. Н. Майковъ («Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 412) говоритъ: «трудно допустить предположеніе, что Пушкинъ не вспоминалъ и Загряжскую, когда писалъ Пиковую даму».

[25]) «Записки», ч. I, М., 1892, стр. 138.

[26]) Тамъ же, II, 17.

[27]) «Записки о моей жизни» Н. И. Греча, Спб., 1886, стр. 107—108.

[28]) «Разсказы бабушки», Спб., 1885, стр. 240.

[29]) Переписка Пушкина, академич. изд., II, 84.

[30]) «Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 1885 г., стр. 106.

[31]) Такимъ языкомъ говоритъ старая барыня въ наброскѣ повѣсти: Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»... Образчикъ подобной рѣчи см. въ цитированныхъ «Разсказахъ бабушки», стр. 292—293.

[32]) Переписка Пушкина, академич. изд., II, 302—303, 319.

[33]) «Историч. ВѢстн.», 1883 г., декабрь, 539.

[34]) См. Сочин. Пушкина, изд. Венгерова, т. V, стр. V, примѣч. къ № 540.

[35]) 4 апрѣля 1834 г.—см. Сочин. Д. В. Давыдова, изд. 1895 г., стр. 192; объ этомъ Давыдовъ писалъ въ тотъ же день Н. М. Языкову (тамъ же, 194).

[36]) Тетрадь московскаго Румянцовскаго музея № 2371, л. 87, — см. «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 52.

[37]) Сочин., VIII, 189.

[38]) Передѣлка Шаховскаго, подъ названіемъ «Хризоманія», съ куръезными добавленіями была впервые поставлена въ Александринскомъ театрѣ 3 сентября 1836 г.' («СѢв. Пчела», № 201, стр. 801), а затѣмъ шла еще два раза, 9 сентября, тоже въ Александринскомъ театрѣ («СѢв. Пч.», № 206, стр. 821), и 18 сентября, въ Михайловскомъ театрѣ («СѢв. Пч.», № 213, стр. 849). Рецензентъ «СѢв. Пчелы» П. М. (№ 216, 22 сентября, стр. 861—864) отозвался о «драмѣ» Шаховскаго очень неодобрительно, а о повѣсти писалъ (стр. 861): «послѣ счастливой идеи, первая прелесть этой повѣсти заключается въ бойкомъ, увлекательномъ разсказѣ и въ миніатюрной живописи лицъ и подробностей, удачно схваченныхъ и набросанныхъ искусною рукою артиста». Объ этой передѣлкѣ Н. И. Куликовъ «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ» — «Русс. Стар.» 1881 г., августъ, 602) говоритъ, что она возникла «по собственной иниціативѣ» Шаховскаго; о ней см. также П. Столпянскій, «Одна изъ передѣлокъ произведеній А. С. Пушкина для сцены». («Историческая справка») — «Ежегодн. Императ. Театровъ» 1911 г., вып. III, стр. 11—15.

[39]) В. Шульцъ, «А. С. Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей», Спб., 1880, стр. 90; М. М. Ивановъ, «Пушкинъ въ музыкѣ», Спб., 1899, стр., 123—124; «Памяти Пушкина, сборн. статей преподавателей и слушателей ист.-филол. факул. Имп. Спб. Университета», Спб., 1900, стр. 127—128.

[40]) «Музыкальное Обозрѣніе» Н. Кашкина въ «Русс. Обозр.» 1890 г., декабрь, 780—793; М. М. Ивановъ, стр. 106—108, 134—135; «Памяти Пушкина», стр. 128.

[41]) № 125, 22 іюля; см. объ этомъ у П. Мартьянова, «Дѣла и люди вѣка», т. III, Спб., 1896, стр. 140.

ПИКОВАЯ ДАМА

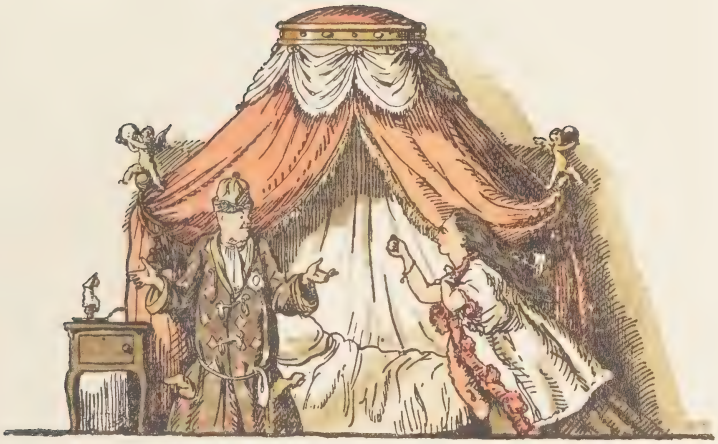
Пиковая дама означаетъ тайную недоброжелательность.

Новѣйшая гадательная книга.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

А въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули—Богъ ихъ прости!—
Отъ пятидесяти
На сто,

И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ, въ ненастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.



Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ апетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

— Что ты сдѣлалъ, Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставилъ на *руте?*... Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодого инженера: отъ рода не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного пароли, а до пяти часовъ сидитъ съ нами и смотритъ на нашу игру!

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германнъ: но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее.

— Германнъ Нѣмецъ: онъ расчетливъ, вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, Графиня Анна Ѳедотовна.

— Какъ? что? закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ!

— Да что жъ тутъ удивительнаго, сказалъ Нарумовъ, что осьмидесятилѣтняя старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣтъ! право, ничего!

— О, такъ послушайте:

Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ, и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite; Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть было не застрѣлился отъ ея жестокости.

Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при Дворѣ она проиграла на слово Герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ, и приказала заплатить.

Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ

ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни Подмосковной, ни Саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину, и легла спать одна, въ знакъ своей немилости.

На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовѣстить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу рознь, и что есть разница между Принцемъ и каретникомъ. — Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, что дѣлать.

Съ нею былъ коротко знакомъ человѣкъ очень замѣчательный. Вы слышали о графѣ Сенъ-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ Запискахъ говоритъ, что онъ былъ шпіонъ, впрочемъ Сенъ-Жерменъ, несмотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти и сердится, если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сенъ-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть. Написала ему записку и просила немедленно къ ней пріѣхать.

Старый чудакъ явился тотчасъ и засталъ ее въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала, наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность.

Сенъ-Жерменъ задумался.—„Я могу вамъ услужить этой суммою,“ сказалъ онъ, „но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться.“

„Но, любезный Графъ," отвѣчала бабушка, „говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ." — „Деньги тутъ не нужны," возразилъ Сенъ-Жерменъ: „извольте меня выслушать." Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякій изъ насъ дорого бы далъ...

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся и продолжалъ.

Въ тотъ же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la Reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію, и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

— Можетъ статься, порошковыя карты? подхватилъ третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

— Какъ! сказалъ Нарумовъ: у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики.

— Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій: у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны; хоть это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ разсказывалъ дядя, Графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ увѣрялъ меня честью. Покойный Чаплицкій, тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ милліоны, однажды въ молодости своей проигралъ — помнится Зоричу,— около трехсотъ тысячъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалилась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ

и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-пе,—отыгрался и остался еще въ выигрышѢ....

Однако пора спать: уже безъ четверти шесть.

Въ самомъ дѢлѢ, ужъ разсвѢтало: молодые люди допили свои рюмки и разъѢхались.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Il paraît, que monsieur est décidément pour les suivantes.
— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій разговоръ.

Старая Графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая коробку со шпильками, третья высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту давно увядшую, но сохранила всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ, и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'-maman, сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'-maman, я къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей, и привезти его къ вамъ въ Пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у ***?

— Какъ же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова ли была ея бабушка, Княгиня Дарья Петровна?.. Кстати: я чай, она ужъ очень постарѣла, Княгиня Дарья Петровна?

— Какъ, постарѣла? отвѣчалъ разсѣянно Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову, и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой Графини таили смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но Графиня услышала вѣсть, для нея новую, съ большимъ равнодушіемъ.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во Фрейлины, и когда мы представились, то Государыня...

И Графиня въ сотый разъ разсказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И Графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

— Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нѣтъ! Онъ военный, или статскій?

— Военный.

— Инженеръ?

— Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась, и не отвѣчала ни слова

— Paul! закричала Графиня изъ-за ширмовъ: пришли мнѣ какой нибудь новый романъ, только, пожалуйста, не изъ нынѣшнихъ.

— Какъ это, grand'-maman?

— То есть, такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ!

— Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ Русскихъ?

— А развѣ есть Русскіе романы?.. Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!

— Простите, grand'-maman: я спѣшу... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову надъ самой канвою. Въ это время вошла Графиня, совсѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за пяльцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что-ли! закричала Графиня. Вели скорѣй закладывать карету.

— Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня, и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ, и подалъ Графинѣ книги отъ Князя Павла Александровича.

— Хорошо! Благодарить, сказала Графиня. Лизанька, Лизанька! да куда жъ ты бѣжишь?

— Одѣваться.

— Успѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ; читай вслухъ...

Барышня взяла книгу, и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала Графиня. Что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что ли?.. Погоди: подвинь мнѣ скамеечку; ближе... ну!—

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эту книгу, сказала она: что за вздоръ! Отошли это Князю Павлу, и вели благодарить... Да что-жъ карета?..

— Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Что жъ ты не одѣта? сказала Графиня: всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несносно!

Лиза побѣжала въ комнату. Не прошло двухъ минутъ, Графиня начала звонить изо всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ Графиня. Сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капотѣ и въ шляпкѣ.

— Наконецъ, мать моя! сказала Графиня. Что за наряды! За чѣмъ это?.. кого прельщать?.. А какова погода?—кажется, вѣтеръ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

И вотъ моя жизнь! подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говоритъ Данте, и тяжелы ступени чужаго крыльца, а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души; но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ, скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большаго свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ

уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лицо. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай, и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы, и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала Графиню въ ея прогулкахъ, и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; а между тѣмъ требовали отъ нея, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть, какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцовала только тогда, какъ не доставало vis-á-vis, и дамы брали ее подъ руку всякой разъ, какъ имъ нужно было итти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе, и глядѣла кругомъ себя, — съ нетерпѣніемъ ожидала избавителя; но молодые люди, расчетливые въ вѣтреномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ея вниманія, хотя Лизавета Ивановна была сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и крашеная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ!

Однажды, — это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидѣла молодого инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять, — молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу, и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы.

Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пяльцы, и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было,—и она про него забыла...

Дня черезъ два, выходя съ Графиней садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лице бобровымъ воротникомъ: черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку,—офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза: она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ извѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились неусловленныя сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе,—подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за то ей благодаренъ: она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякой разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась...

Когда Томскій спросилъ позволенія представить Графинѣ своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилось. Но узнавъ, что Нарумовъ не инженеръ, а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго Нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе, но твердость спасла его отъ

обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо расчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) *жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее*,—а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами, и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы.—Что, если, думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу: что, если старая Графиня откроетъ мнѣ свою тайну!—или назначитъ мнѣ эти три вѣрныя карты! Почему жъ не попробовать своего счастія? Представиться ей, подбиться въ ея милость,—пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ,—но на все это требуется время—а ей восемьдесятъ семь лѣтъ,—она можетъ умереть черезъ недѣлю,—черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?... Можно ли ему вѣрить?... Нѣтъ! расчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроитъ, усемеритъ мой капиталъ, и доставитъ мнѣ покой и независимость!—

Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у угловаго будочника.

— Графини ***, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и, когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрезились карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы

рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу, и опять очутился передъ домомъ Графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился, и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой, или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капотъ и шляпу, какъ уже Графиня послала за нею, и велѣла опять подавать карету. Онѣ пошли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испугу, молодой человѣкъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукѣ. Она спрятала его за перчатку, и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? — какъ зовутъ этотъ мостъ? — что тамъ написано на вывѣскѣ? Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и не въ попадъ, и разсердила Графиню.

— Что съ тобою сдѣлалось, мать моя? Столбнякъ на тебя нашелъ, что ли? Ты меня или не слышишь или не понимаешь?!.. Слава Богу, я не картавлю, и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было незапечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятое ею письмо безпокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, что дѣлать: перестать ли сидѣть у окошка, и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ? — отослать ли ему письмо? — отвѣчать ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться, у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за писменный столикъ, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо, — и рвала его: то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. „Я увѣрена, писала она, что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнымъ поступкомъ; но знакомство наше не должно бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше, и надѣюсь, что не буду впредь имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе.“

На другой день, увидя идущаго Германна, Лизавета Ивановна встала изъ-за пяльцевъ, вышла въ залу, отворила форточку, и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодого офицера. Германнъ подбѣжалъ, поднялъ его, и вошелъ въ кондитерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо, и отвѣтъ Лизаветы Ивановны.

Онъ того и ожидалъ, и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее съ безпокойствомъ, предвидя денежныя требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

— Нѣтъ, точно къ вамъ! отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки. Извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному. Это писано вѣрно не ко мнѣ! — И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ же вы его разорвали? сказала мамзель: я бы возвратила его тому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно...

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Онѣ уже не были переведены съ Нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстію, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими; стала на нихъ отвѣчать, — и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ, она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо:

— „Сегодня балъ у ***скаго Посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро Графиня уѣдетъ, ея люди вѣроятно разойдутся, въ сѣняхъ останется швейцаръ, но и онъ обыкновенно уходитъ въ

свою каморку. Приходите къ половинѣ двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то вы спросите, дома ли Графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ,—и дѣлать нечего. Вы должны будете воротиться. Но вѣроятно вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте на-лѣво, идите все прямо до Графининой спальни. Въ спальнѣ за ширмами увидите двѣ маленькія двери: справа въ кабинетъ, куда Графиня никогда не входитъ; слѣва въ коридоръ, и тутъ же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату".

Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ Графини. Погода была ужасная: вѣтеръ вылъ, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся Ванька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока. — Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ Графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную старуху, укутанную въ соболью шубу, и какъ восльдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранною свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома: онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы, — было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальныя минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на Графинино крыльцо и взошелъ въ яркоосвѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю, и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ

пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симетріи около стѣнъ, обитыхъ Китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ Me Lebrun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой, молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славнаго Leroy, коробочки, рулетки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Монгольфьеровымъ шаромъ и Месмеровымъ магнетизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва, другая въ корридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы... Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцать; по всѣмъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать,—и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй часъ утра,—и онъ услышалъ дальній стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуетились. Люди побѣжали, раздались голоса и домъ освѣтился. Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и Графиня, чуть живая, вошла, и опустилась въ Вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчто, похожее на угрызеніе совѣсти, и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нее чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой

и плотно остриженной головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета: наконецъ, Графиня осталась въ спальной кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старые люди вообще, Графиня страдала безсонницею. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ Вольтеровы кресла, и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли, комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налѣво. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствію скрытаго галванизма.

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ Графинею стоялъ незнакомый мужчина.

Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и наклонясь надъ самымъ ея ухомъ повторилъ ей то же самое. Старуха молчала по-прежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастіе моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду...

Германнъ остановился. Графиня, казалось, поняла, чего отъ нее требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

— Это была шутка, сказала она наконецъ: клянусь вамъ! это была шутка!

— Этимъ нечего шутить, возвразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыграться

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души, но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала.

Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они же не знаютъ и цѣны деньгамъ. Моту не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!...

Онъ остановился, и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала; Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда нибудь, сказалъ онъ, сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если что нибудь человѣческое билось когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чувствами супруги, любовницы, матери,—всѣмъ, что ни есть святаго въ жизни,—не откажите мнѣ въ моей просьбѣ! — откройте мнѣ вашу тайну! — что вамъ въ ней?... Можетъ-быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ... Подумайте: вы стары; жить вамъ ужъ недолго, — я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастіе человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню...

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

— Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я жъ заставлю тебя отвѣчать...

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ.

При видѣ пистолета Графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла... Потомъ покатилась навзничь... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ: хотите ли назначить мнѣ ваши три карты? — да или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*7 Mai 18**.*
Homme sans moeurs et sans religion.

Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Пріѣхавъ домой, она спѣшила отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу,—сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна, и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи, и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый разъ увидѣла въ окошко молодаго человѣка, — и уже она была съ нимъ въ перепискѣ, — и онъ успѣлъ

вытребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала... до самаго сего вечера. Странное дѣло! Въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій дуясь на молодую Княжну Полину ***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Елисавету Ивановну, и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Елисавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете?—спросила она, смѣясь.

— Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, отвѣчалъ Томскій: человѣка очень замѣчательнаго!

— Кто жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

— Его зовутъ Германномъ.

Елисавета Ивановна не отвѣчала ничего, но ея руки и ноги поледенѣли...

— Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій, лице истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!...

— У меня голова болитъ.... Что же говорилъ вамъ Германнъ,— или какъ бишь его?....

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе.... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды, по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля.

— Да гдѣ жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можетъ-быть,—на гуляньѣ!... Богъ его знаетъ! Можетъ-быть въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станетъ.

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами—oubli ou regret?—прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама Княжна ***. Она успѣла съ нимъ изъясниться, обѣжавъ лишній кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ.—Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая Графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня, но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ, составленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, это, уже прошлое лице, пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную цвѣтами.... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она затрепетала....

— Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шепотомъ.

— Въ спальнѣ у старой Графини, отвѣчалъ Германнъ: я сей часъ отъ нея. Графиня умерла.

— Боже мой!... Что вы говорите?...

— И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: *у этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!* Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нея, и все разсказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ эти страстныя письма, эти пламенныя требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе, все это было не любовь! Деньги,—вотъ чего алкала его душа! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельницы!.... Горько заплакала она, въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее, молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни

удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

— Я не хотѣлъ ея смерти, отвѣчалъ Германнъ: пистолетъ мой не заряженъ.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догарающую свѣчу: блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату. Она отерла заплаканные глаза, и подняла ихъ на Германна: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна.—Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ, но надобно итти мимо спальни, а я боюсь.

— Разскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову, и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ, и вошелъ опять въ спальню Графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лице ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, ощупалъ за обоями дверь, и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. По этой самой лѣстницѣ, думалъ онъ, можетъ-быть лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ

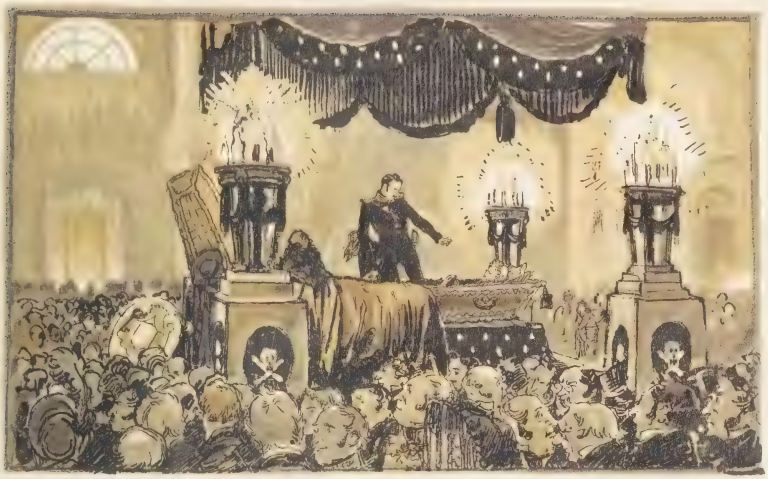
могилѣ, а сердце престарѣлой его любовницы сего дня перестало биться...

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ корридорѣ, выведшемъ его на улицу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница Баронесса фонъ-В***. Она была вся въ бѣломъ и сказала мнѣ: «Здравствуйте, господинъ Совѣтникъ!»*

Шведенборгъ.



Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей Графини. Не чувствуя раскаянія, онъ не могъ однако совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: ты убійца старухи! Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая Графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь,—и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощенія.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ

балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ съ гербовыми лентами на плечѣ, и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ,—дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ; слезы были бы—une affectation. Графиня такъ была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Молодой Архіерей произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ Христіанской кончинѣ. „Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго.“ Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ.

Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли,—и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нее Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю, и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу, усыпанномъ ельникомъ. Наконецъ приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился... Въ эту минуту показалось ему, что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, оступился, и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокѣ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый Каммергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него

Англичанину, что молодой офицеръ ея побочный сынъ, на что Англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh?

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдал въ уединенномъ трактирѣ, онъ, и противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать, и крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы: было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать, и думалъ о похоронахъ старой Графини.

Въ это время, кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко,— и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то ни какого вниманія. Чрезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу, и удивился, что могло привести ее въ такую пору. Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась вдругъ передъ нимъ,—и Германнъ узналъ Графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ велѣно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду,—но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобъ во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобъ ты женился на моей воспитанницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ....

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ, и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился.

Денщикъ былъ пьянъ по обыкновенію: отъ него нельзя было добиться ни какого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку, и записалъ свое видѣніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— *Атàнде!*

— *Какъ вы смѣли мнѣ сказать атàнде?*

— *Ваше Превосходительство, я сказалъ атàнде-съ!*

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной Природѣ, такъ же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ—скоро заслонили въ воображеніи Германна образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ—не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ:—Какъ она стройна!... Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который часъ, онъ отвѣчалъ:—безъ пяти минутъ семерка.—Всякой пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузъ—преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды. Тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ

пышнаго гландифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузъ огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну,—воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинскаго, проведшаго весь вѣкъ за картами и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніямъ волокитства. Нарумовъ привелъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами. Нѣсколько Генераловъ и Тайныхъ Совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди сидѣли, развалясь на штофныхъ диванахъ, ѣли мороженое и курили трубки. Въ гостиной за длиннымъ столомъ, около котораго тѣснилось человѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лице изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться, и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ. Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты, и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ, протягивая руку изъ-за толстого господина, тутъ-же понтировавшаго. Чекалинскій улыбнулся и поклонился, молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста, и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометъ: извините-съ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна.—Онъ съ ума сошелъ! подумалъ Нарумовъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнной своею улыбкою, что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сотъ семи десяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.

— Что жъ? возразилъ Германнъ:—бьете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того же смиреннаго согласія.

— Я хотѣлъ только вамъ доложить, сказалъ онъ, что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я конечно увѣренъ, что довольно вашего слова, но для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ, и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту.

Онъ сталъ метать. На право легла девятка, на лѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопотъ. Чекалинскій нахмурился, но улыбка тотчасъ возвратилась на его лице.

— Изволите получить? спросилъ онъ Германна.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѢсколько банковыхъ билетовъ, и тотчасъ расчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день, вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѢсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту, положивъ на нее свои сорокъ семь тысячъ и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій сталъ метать. Валетъ вышелъ на право, семерка на лѢво.

Германнъ открылъ семерку.

ВсѢ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ девяносто четыре тысячи и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ, и въ ту же минуту удалился.

На слѢдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. ВсѢ его ожидали. Генералы и Тайные СовѢтники оставили свой вистъ, чтобъ видѢть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили съ диванов, всѢ офиціанты собрались въ гостиной. ВсѢ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѢніемъ ожидая, чѢмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѢднаго, но все улыбающагося, Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ снялъ, и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налѢво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ, и открылъ свою карту.

— Дама ваша убита, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѢлѢ, вмѢсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѢрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его.

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ.—Славно спонтировалъ! говорили игроки.—Чекалинскій снова стасовалъ карты: игра пошла своимъ чередомъ.

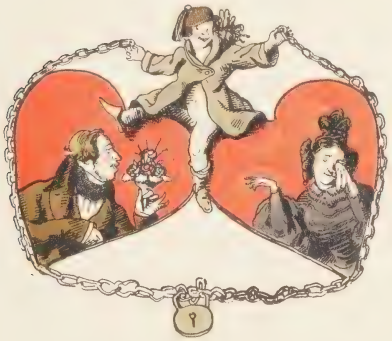
ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ въ 17 нумерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы, и бормочетъ необыкновенно скоро:—Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!...

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодого человѣка; онъ гдѣ-то служитъ и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой Графини. У Лизаветы воспитывается бѣдная родственница.

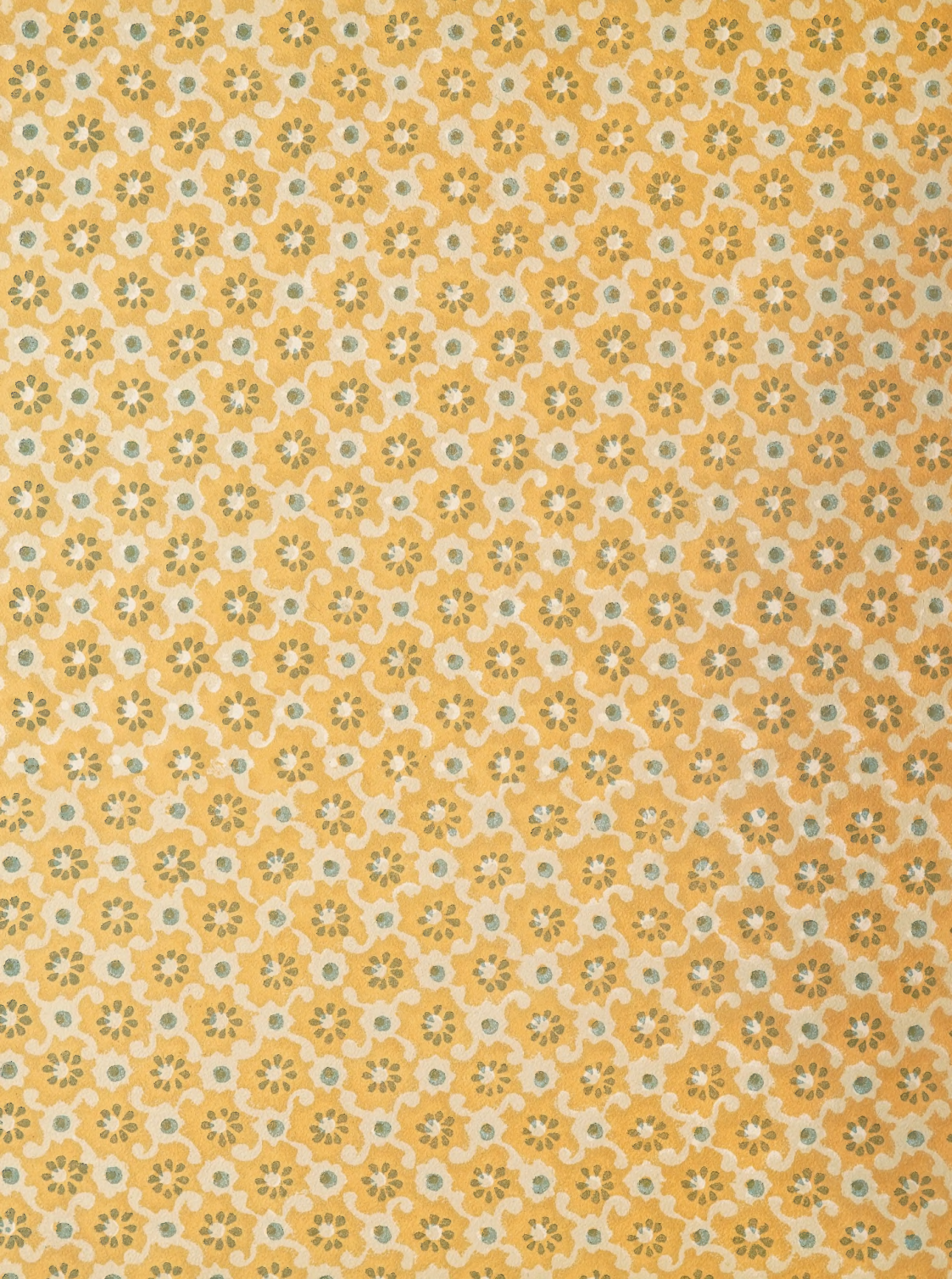
Томскій произведенъ въ Ротмистры и женится на Княжнѣ Полинѣ.

Р.



ПЕТРОГРАДЪ
Т-ВО Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ
ЗВЕНИГОРОДСКАЯ, 11
1917

В/О. Лежачая Книга
Руб. — коп.
111/89



ecial 92-B
11760